ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1.09:82.091
doi 10.17072/2073-6681-2026-3-65-74
EDN EOETEJ
https://elibrary.ru/eoetej

«Лисьи истории из города С.» И. Б. Бурдонова: русско-китайский культурный синтез и экзистенциальная поэтика цикла

Дубаков Леонид Викторович
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
dubakov_leonid@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется цикл новелл современного русского писателя И. Б. Бурдонова «Лисьи истории из города С.» (2024) как уникальное явление в контексте русско-китайского литературного взаимодействия. Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления новых форм диалога культур в современной прозе, а также введением в научный оборот практически не изученного в отечественном литературоведении материала. Цель исследования – выявить механизмы формирования автором гибридного культурного пространства и проанализировать экзистенциальную проблематику цикла, возникающую на пересечении русской и китайской традиций. Методологическая база включает сравнительно-типологический, интертекстуальный, мотивный и интермедиальный подходы. Установлено, что Бурдонов создает не подражание, а сложную стилизацию, в которой система номинации и хронотоп порождают двойную культурную проекцию, объединяющую русский и китайский контексты в универсальное целое. На основе анализа 15 новелл выделяются и характеризуются несколько мини-циклов: истории о творцах, где искусство уподобляется магии и чуду; анекдотические и иронические новеллы, в которых классические мотивы снижаются и встраиваются в повседневность; наиболее философски насыщенные учительские и любовные истории, в которых через образ лисы-оборотня раскрываются темы одиночества, верности, кармической связи, экзистенциального выбора и несовпадения человеческого и бессмертного времени. Важной особенностью цикла является его интермедиальность: авторские картины-иллюстрации вступают в диалог с текстом, выявляя его глубинный смысл. Делается вывод, что «Лисьи истории» представляют собой не просто рецепцию китайской классики, а оригинальный русско-китайский культурный синтез, открывающий новые перспективы для развития «китайского текста» русской литературы.

Ключевые слова: И. Б. Бурдонов; «Лисьи истории из города С.»; Пу Сунлин; «Рассказы Ляо Чжая о необычайном»; русско-китайский культурный синтез; экзистенциальная поэтика; хули-цзин; интермедиальность; гибридное культурное пространство; «китайский текст».

Для цитирования
Дубаков Л. В. «Лисьи истории из города С.» И. Б. Бурдонова: русско-китайский культурный синтез и экзистенциальная поэтика цикла // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2026. Т. 18, вып. 3. С. 65–74. doi 10.17072/2073-6681-2026-3-65-74. EDN EOETEJ

© Дубаков Л. В., 2026

“Fox Stories from the City of S.” by Igor Burdonov: Russian-Chinese Cultural Synthesis and Existential Poetics of the Cycle

Leonid V. Dubakov
Shenzhen MSU-BIT University
dubakov_leonid@mail.ru

Abstract. This paper examines the short story cycle *Fox Stories from the City of S.* (2024) by contemporary Russian writer Igor Burdonov as a unique phenomenon in the context of Russian-Chinese literary interaction. The relevance of this study stems from the need to conceptualize new forms of cultural dialogue in contemporary prose as well as to introduce into scholarly discourse material that remains virtually unexplored in Russian literary scholarship. The goal of the study is to identify the mechanisms by which the author creates a hybrid cultural space and to analyze the existential issues raised in the cycle, which arise at the intersection of Russian and Chinese traditions. The methodological framework includes comparative typological, intertextual, motif-based, and intermedial approaches. It has been established that Burdonov creates not an imitation, but a complex stylization in which the system of nomination and the chronotope generate a dual cultural projection that unites Russian and Chinese contexts into a universal whole. Based on an analysis of 15 short stories, the article also identifies and characterizes several mini-cycles: stories about creators, where art is likened to magic and miracles; anecdotal and ironic short stories, in which classical motifs are downplayed and integrated into everyday life; and the most philosophically charged teacher and love stories, in which the image of a fox shapeshifter explores themes of loneliness, loyalty, karmic connection, existential choice, and the discrepancy between human and immortal time. A key feature of the cycle is its intermediality: the author’s paintings and illustrations engage in a dialogue with the text, revealing its deeper meaning. The article concludes that *Fox Stories* represent more than just a reception of Chinese classics, but an original Russian-Chinese cultural synthesis that opens up new prospects for the development of the “Chinese text” in Russian literature.

Keywords: Igor Burdonov; “Fox Stories from the City of S.”; Pu Songling; “Strange Stories from a Chinese Studio”; Russian-Chinese cultural synthesis; existential poetics; huli jing; intermediality; hybrid cultural space; “Chinese text”.

For citation
Dubakov L. V. “Fox Stories from the City of S.” by Igor Burdonov: Russian-Chinese cultural synthesis and existential poetics of the cycle. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2026, vol. 18, issue 3, pp. 65–74. doi 10.17072/2073-6681-2026-3-65-74. EDN EOETEJ (In Russ.)

Китайские идеи, мотивы, образы, сюжеты уже порядка трёх веков интересуют русскую литературу. От стихотворений А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина до романов В. О. Пелевина [Дубаков, Го Вэньцзин 2023], В. Г. Сорокина, В. М. Рыбакова и И. А. Алимова [Дубаков 2022: 85–94] отечественные писатели по-разному, но осваивали иную, восточную культурную реальность. Так, в работах А. А. Краснояровой и Б.В. Кондакова «”Китайский текст” русской литературы», а также «Медведь наблюдает за драконом» А. В. Лукина [Лукин 2007] подробно анализируются характер и эволюция рецепции китайского мира – создание так называемого «китайского текста» русской литературы, то есть сверхтекста, включающего произведения, которые содержат собирательный образ китайской культуры, «связанный с целостным комплексом идей, выраженных через судьбы персонажей и обусловливающий развитие сюжета» [Краснояровa, Кондаков 2024: 15].

Помимо известных писателей, вносящих вклад в этот «китайский текст», существует и ряд менее именитых, но при этом талантливых отечественных авторов. Одним из таких является Игорь Борисович Бурдонов (р. 1948). Состоя в Московском объединении Союза литераторов РФ, он публиковался на страницах таких изданий, как «Новый мир», «Митин журнал», «Аргументы и Факты» и др. Но признание к нему пришло в первую очередь в Китае, где его творческая деятельность на сегодня получила гораздо более широкий отклик, чем на родине. Китайского читателя с его произведениями знакомит известный русист и переводчик Гу Юй (кит. упр. 谷羽, пиньинь Gu Yu) [Бурдонов 2026]. Активно изучают его поэзию китайские литературоведы: Лин Минли (кит. упр. 林明理, пиньинь Lin

Mingli) и Хэ Фань (кит. упр. 贺梵, пиньинь He Fan) [Лин Минли 2024], например, сосредоточили внимание на буддийских и даосских истоках его лирики, тогда как сам Гу Юй помещает сочинения Бурдонова в контекст двусторонних культурных связей России и Китая, подчёркивая глубину погружения автора в китайскую культуру [Гу Юй 2020]. В России же к его поэзии и прозе обращались реже. Среди немногих работ – предисловие В. Б. Микушевича «Конец вечности», предпосланное сборнику стихов «Ритуальные числа» [Микушевич 2009: 5–6], а также статья, рассматривающая восприятие одного из его произведений («Дао города Пинъяо») китайской аудиторией [Дубаков 2025: 182–191].

За годы работы у этого писателя накопилось множество текстов, в которых присутствуют китайские мотивы. Один из наиболее ярких и показательных, по нашему мнению, – цикл новелл «Лисьи истории из города С.» (2024), героями которого являются хули-цзин (кит. упр. 狐狸精, пиньинь húli jīng) – китайские лисы-оборотни, представленные в том числе знаменитым китайским писателем Пу Сунлином в «Рассказах Ляо Чжая о необычайном». Образы «Ляо чжай чжи и» не раз появлялись в русской литературе последних десятилетий [Хань, Тугулова, Бардаханова 2023: 48–56], но бурдоновский текст, конечно, имеет свои особенности рецепции этого пу-сунлиновского цикла.

В представленной работе применяются сравнительно-типологический метод, метод интертекстуального анализа, метод мотивного анализа, структурно-семиотический метод, элементы мифопоэтического анализа и метод интермедиального анализа. Цель исследования – выявить механизмы формирования автором гибридного культурного пространства и проанализировать экзистенциальную проблематику цикла, возникающую на пересечении русской и китайской традиций.

Цикл «Лисьи истории из города С.» состоит из 15 новелл («историй»), которым, кроме заголовка, предпослан и подзаголовок – «Подражания Ляо Чжаю». Но автор, отсылая к классическому тексту Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжая о необычайном», создаёт всё же не подражание, а стилизацию, во-первых, отчасти иронически отстраняясь от пу-сунлиновского стиля, а во-вторых, заимствуя отдельные мотивы «Ляо Чжай чжи и», на глубинном уровне развивает их и актуализирует, встраивая в проблемное пространство современной жизни.

В основу именования новелл положен принцип, восходящий одновременно к оригинальному тексту Пу Сунлина и к переводам В. М. Алексеева: заголовки строятся по схеме «социальный статус + инициал персонажа» («Студент А.», «Начальник Е.», «Муж А. и жена Ж.»). Буквенное обозначение топонимов (город С.) порождает двойную проекцию: с одной стороны, это отсылка, возможно, к чеховской традиции, где за инициалом угадывается провинциальный русский город вроде Серпухова; с другой – символ может указывать на китайские реалии, например, на провинцию Шаньдун (кит. упр. 山东, пиньинь Shāndōng) – родину автора «Рассказов Ляо Чжая о необычайном». Та же двойственность заложена в сокращении имён до первых букв: за ними равновероятно могут стоять как русские, так и китайские антропонимы. Подобная стратегия создаёт гибридное культурное пространство, в котором русский и китайский контексты не исключают, а дополняют друг друга, формируя универсальную среду. В этом мире соседствуют приметы современности и неизменное присутствие лис – истинных протагонистов цикла. На их ключевую роль указывает уже само название, где магия лисьего присутствия передана сквозной аллитерацией с троекратным повторением звукосочетания «ис».

В творчестве Пу Сунлина центральное место занимает вторжение ирреального начала в повседневный мир людей: его персонажи сталкиваются с метафизическими существами, прежде всего с лисами-оборотнями. Игорь Бурдонов в своей книге «Лисьи истории» развивает эту модель. Повествование, сохраняя внешнюю установку на устный рассказ, строится на ненадёжной грани между действительностью и вымыслом. К финалу автор намеренно лишает читателя уверенности в том, имела ли место встреча с потусторонним или же она была лишь плодом воображения героя.

В новелле «Художник С.» писатель переосмысляет сюжет Пу Сунлина из «Девы-лисы». Если в первоисточнике герой сосуществует с лисой, не ведая её подлинной сути, а после разоблачения женщина-оборотень исчезает, оставляя лишь тоску, то современный автор превращает эту историю в размышление о глубине супружеской связи и воздействии женского начала на мужчину. Бурдонов активно использует пу-сунлиновский приём – обыгрывание фразеологизмов одновременно в прямом и переносном смысле. Жена художника охотно позировала обнажённой, но, когда муж прозрел её лисью природу, покинула его, не стерпев «разоблачения» – слова, которое здесь означает и раскрытие тайны, и буквальное обнажение. Ирония судьбы: именно отказ от наготы становится причиной разрыва. Появление таинственного старца, вероятно, родича пропавшей, также отсылает к традиции Пу Сунлина, где лисицы живут родовыми кланами. Старый лис, присматривающий за че-

ловеком, связанным с его семьёй, выглядит одновременно трогательно и забавно: в абстрактной живописи художника он узнаёт черты своей породы. Бурдонов вновь играет значениями: «старый лис» – и хитрец, и буквально пожилой оборотень.

Центральная проблема этой новеллы – творчество как отражение подсознания. После утраты жены художник С. уходит в абстракцию, формально пытаясь отрешиться от реальности, однако его картины становятся криком души о потере. Даже беспредметная живопись оказывается фигуративной для того, кто способен видеть глубже. Ключевая сцена на выставке демонстрирует относительность восприятия: посетители видят хаос мазков, а старый лис – портреты своей родственницы. Мир един, но люди и иные существа воспринимают его сквозь призму собственной природы. Уход жены-лисы – не только наказание, но и урок: реальность иллюзорна, истина открывается лишь при смене угла зрения, духовном преображении. Художник сам становится «оборотнем», меняя сознание.

«Скульптор С.» – история про ошибку и одновременно про художественную правду. Скульптор ошибается, приняв обычную лису за хулицзин, но первоначальный комизм этой мнимой ошибки трансформируется в осознание глубинного взгляда творца, который после смерти своей гостьи «вырезал скульптуру «Лиса, превращающаяся в юную девушку» и установил на могиле лисы» [Бурдонов 2024]. Скульптор замечает прозаичность поведения лисы: она крадёт котлеты, пугается света, спит на груди человека, – но он ценит её как особое существо, как зверя-личность, который в будущем может превратиться в человека. Помощь на этом пути – его творческий, почти магический акт: то, что не произошло в реальности, он воплощает в искусстве, используя драгоценное дерево (хайнаньский хуанхуали), что подчёркивает сакральность деяния. Интересно, что в этой бурдоновской новелле происходит инверсия ролей: человек, а не лиса оказывается творцом чуда. Чудо совершает сам скульптор – через свое искусство он придает лисе тот человеческий облик, которого она была лишена при жизни. Тем самым утверждается мысль о том, что подлинная магия заключена не в потусторонних силах, а в творческом даре человека.

Ещё одна история в мини-цикле о творцах – новелла «Поэт П.», где «П.», что любил осень, ассоциативно расшифровывается как «Пушкин», также может быть прочитана как встреча человека с лисами-музами. Новелла построена на приёме развёрнутой реализованной метафоры, визуально и фонетически мотивированной: листья на деревьях – лисы. История затрагивает проблему поэта и толпы, не воспринимающей иномирие и отворачивающейся от поэта как от маргинала, от юродивого. Для обычных людей небо, куда, по словам поэта, каждую осень отправляются лисы, «серое и неприветливое» [Бурдонов 2024]. Для них не только нет правды на земле, но нет её и выше. Двоемирная реальность новеллы такова: существует видимый мир (голые деревья, серое небо, опавшие листья) и мир, доступный лишь поэтическому взору (линяющие лисы, их отлет на небо, их разговоры). Действие привязано к осени – времени увядания, завершения цикла. В мифологии поэта это не просто конец, а период перехода, коммуникации с небом. Лисы улетают, чтобы вернуться, и цикл повторится. Поэт П. включен в этот цикл как неизменный участник, воспринимающий лис как медиаторов между землёй и небом и сам являющийся медиатором, в то время как люди остаются вне цикла, в статичном и сером мире.

Если «Художник С.», «Скульптор С.» и «Поэт П.» напоминают о жанре притчи, то в истории «Охотник Б.» на первый план выходит её анекдотическая природа. Сюжет новеллы выстраивается вокруг мнимого/реального адюльтера: жена подозревает мужа, вернувшегося с охоты, в измене, но все «улики» оказываются иллюзорными. Мир «Охотника Б.» определяется инверсированностью: так, например, «женские трусики», «белые с рыжими кружевами» [Бурдонов 2024], выглядывающие из кармана, на поверку оказываются мхом, а хвост супруги, который охотник вдруг обнаружил, на утро оказался «пушистым платком из собачьей шерсти, которым жена обвязалась от ревматизма» [там же]. Вся реальность этой истории наполнена оборотничеством: несмотря на обнаружение в финале пояса из собачьей шерсти, а значит, онейрической видимости происходящего (как и у Пу Сунлина, сон здесь «становится путем для обычных людей в мир бессмертных, демонов и нечисти» (пер. Цзэн Сыи) [Ма Жуйфан: 144] и одновременно решает задачу комического или сатирического изобличения персонажа [Цзэн Сыи 2021: 129]), в сознании остаётся двойное значение глаголов «почуяла» и «принюхалась» («Жена сразу почуяла неладное. Она принюхалась и спросила» [Бурдонов 2024]) и сам этот пояс из шерсти животного, родственного лисам. Писатель здесь фиксирует состояние «онтологического сомнения». Сюжет этой бурдоновской истории отчасти схож с сюжетом пу-сунлиновской новеллы «Лисий сон». Сон там и там выступает в качестве способа контакта с потусторонним. Обе истории исполнены иронии и демонстрируют бытовую конкретику, которая делает фантастику живой и достоверной. Но чудо у Пу Сунлина, остающееся чудом, у

Бурдонова исчезает за иронической, «сниженной» лексикой и двойственностью восприятия. Также история Бурдонова напоминает о новелле «Пара фонарей». Однако встреча человека и лисы под светом луны и фонаря в «Охотнике Б.» сопровождается зооморфным эротизмом, и её почти навязчивый телесный контакт контрастирует с утончёнными сценами в «Паре фонарей» Пу Сунлина («красные губы блуждали, метались – совсем как "мягкое и теплое царство"» [Пу Сунлин 2000: 118]). Если у Пу Сунлина лиса – та, кто ощущает кармическую связь с человеком, та, кто оказывается способной на романтические отношения (таков и заглавный образ новеллы), то в бурдоновском «Охотнике Б.» она предстаёт существом, руководствующимся инстинктами и влечением, той, кто провоцирует разрушительную ревность, а с другой стороны – той, кто её испытывает.

История «Студент А.» – ещё один анекдот в цикле «Лисьи истории из города С.». Студент сдаёт экзамен по математической логике и видит, что новая преподавательница – это лиса. Ему достаётся вопрос про нечёткое множество, которое метафорически в науке характеризуется также, как размытое, туманное, пушистое. Каждое из этих определений проецируется студентом на преподавателя-лису и в конечном итоге заставляет его во время ответа покраснеть. Парадокс этой истории заключается в том, что мир математической логики сталкивается в ней с миром ирреальным – в сюжете и внутри самого понятия. Можно сказать, что Бурдонов реализует здесь принципы магического реализма. Одной из значимых идей новеллы оказывается идея неопределенности в гносеологическом измерении: акт наблюдения изменяет состояние как наблюдаемого, так и наблюдателя. Студент распознаёт лису, а она видит эту его способность: «Мы, лисы, очень чувствительны к таким вещам: если вы нас распознаёте, то и мы вас распознаём» [Бурдонов 2024]. Другая особенность «Студента А.» – скрытый эротизм: граница между студентом и преподавательницей размывается акцентом на привлекательности её портрета и игривости поведения: «Нос острый, длинный, ушки торчком, а главное – пушистый рыжий хвост», «Профессор Я. смеётся и, помахивая хвостом, говорит…», «каждый раз она ему улыбалась и подмигивала, а студент А. густо краснел» [там же]. Можно отметить также, что прилив крови к лицу – знак не только смущения со стороны студента, но и маркированного красным (рыжим) цветом сближения между им и ею.

Похожа на эту историю напоминающая философско-психологическую притчу новелла «Учёный литератор по имени У.». Лиса в ней предстаёт музой. Как в новелле Пу Сунлина «Студент Го и его учитель», где лиса отличает хорошо написанное от написанного дурно, благодаря чему студенту удаётся успешно выдержать экзамен, у Бурдонова учёный одерживает победу в литературном конкурсе. Студента Го губит гордость: он перестаёт доверять лисе, и самомнение портит его сочинения. Учёного литератора У. – желание, вызываемое лисой: она отдаётся ему, а он забрасывает стихи и науку и умирает. И, в отличие от «чародейки Лянь-сян» из одноимённой новеллы Пу Сунлина, для учёного литератора У. не находится лисы, которая спасла бы его от иссушения его жизненной энергии. Финал истории – два противоположных моральных вывода: с одной стороны, утверждается, что лиса оказалось коварной, с другой — что учёный перестал различать, где верх, а где низ (отсылка к высказыванию конфуцианца Мэн Цзы (кит. упр. 孟子, пиньинь Mèng Zǐ)), в смысле соблазнения земным началом. Верх и низ в «Учёном литераторе по имени У.» коррелируют также с днём и ночью: днём он занимался наукой, ночь была отдана стихам. Но когда любовные дела с лисой он начал совершать и ночью, и днём, он забросил и стихи, и науку, потеряв всё и в конечном итоге жизнь. Иномирный дар оказался чрезвычайно опасен, и человека слабой воли он разрушил.

Ещё одна история, главный герой которой является учителем, – «Учитель И.». Это новелла об одиночестве двоих – человека, стесняющегося подойти к девушке в парке, и лисы, потерявшей родителей. Решающим моментом сюжета становится стихийное бедствие (дождь), которое подталкивает учителя И. к преодолению собственной застенчивости. Его жест (предложение зонта) является проявлением деятельного сострадания, которое разрушает стену молчания между персонажами. Как и в новелле «Смешливая Инин», где героиня сохраняет память об умершей и должным образом не похороненной матери, бурдоновская лиса выражает свой дочерний долг через слёзы и привязанность к месту, которое в обоих случаях не подходит для места успокоения (горы – земля под скамейкой в парке). В финале пу-сунлиновской новеллы автор задаётся вопросом о подлинной сути этой хули-цзин: «Наша Ин-нин – уж не отшельник ли, скрывшийся в смехе?» [Пу Сунлин 2000: 30]. «Учитель И.» заканчивается указанием на исчезновение лисы и быстротечность времени, незаметно завершающем цикл. «Учитель И.», таким образом, представляет собой философскую зарисовку – в чеховских тонах – о мимолетности встречи, трудности понимания другого и о том, как рутина повседневности (прогулки) соприкасается с сакральным временем траура и тайной.

Новелла «Пенсионер П.» – история про одиночество. Жена перед смертью признаётся мужу, что она хули-цзин, но особенная – небесная лиса (кит. упр. 天狐, пиньинь tiān hú). Пенсионер П. и его жена прожили долгую жизнь в любви и согласии, что подчёркивается рефреном, повторяющимся на протяжении всего текста. Глубина чувств мужа проявляется в его готовности исполнить последнюю, странную просьбу умирающей, несмотря на собственное горе и непонимание. Его ежедневные посещения могилы и ожидание в течение трёх лет символизируют верность, не ослабевающую даже перед лицом смерти. Героиня объясняет, что небесные лисы живут тысячу лет, но в человеческом обличье их срок ограничен продолжительностью обычной человеческой жизни. Это вводит тему предопределенности и неумолимости законов как человеческого, так и потустороннего мира, ведь «брачная связь имеет определённую судьбу» [Пу Сунлин 2000: 135] («Пара фонарей»). Процесс обратного превращения в могиле длится три года, что является необходимым циклом для возвращения к истинной форме. Финал оставляет надежду не на немедленную встречу, а на встречу в одном из будущих перерождений мужа, что отсылает к буддийской концепции сансары (кит. упр. 流转, пиньинь liúzhuǎn). В финале муж находит лишь пустой гроб и несколько рыжих шерстинок – материальное, но эфемерное подтверждение её слов и её существования. Определение «пустой» также может быть связано с пониманием истинной природы и небесной лисы, и вообще жизни – как пустой, пустотной (кит. упр. 空, пиньинь Kōng). Таким образом, «Пенсионер П.» – это история о всепобеждающей силе любви, стирающей границы между мирами, о неизбежности законов бытия и о надежде, которая простирается за пределы одной жизни, связывая людей и лис узами, неподвластными времени и смерти.

Новеллу «Граф Ю.» можно отнести одновременно и к любовному мини-циклу, и к учительному. Распутничающий с горничными граф узнаёт, что вместо девушек к нему приходили лисы или одна тысячелетняя лиса в разных обличиях. И «с того дня граф Ю. уже не так веселился и больше не звонил в колокольчик» [Бурдонов 2024]. Осознание чуда произвело переворот в графе. За пределами новеллы остаётся и вопрос об изъятии хули-цзин его сексуальной энергии, но отсутствие веселья может быть понято как его следствие. «Лисьи истории из города С.» – это интермедиальный гибрид (у Пу Сунлина эта интермедиальность прослеживается внутри отдельных новелл [Игнатенко 2021: 11], Бурдонов реализует её напрямую): каждую новеллу Бурдонов сопровождает картиной-иллюстрацией. На картине, относящейся к «Графу Ю.», изображена гостиная и диван, а на стене над диваном висят два полотна: это автовоспроизведение слева – бурдоновской эротико-иронической сцены «Двое в городе и запах сирени днём» (2015) и справа – пейзажа «Малая Истра» (1986), где на заднем плане православный храм. В целом это визуальная дорога – слева направо – символ внутреннего пути графа: от земных удовольствий к серьёзным размышлениям. Чувственное наслаждение оказывается иллюзией, а объект вожделения – неуловимой и многоликой сущностью. Граф Ю. не пострадал материально и физически, но пережил глубокое экзистенциальное потрясение. Ситуация, в которую попадает граф, иронична. Любитель молоденьких горничных, ведущий счет своим победам, сам оказывается объектом мистического розыгрыша. Его «подвиги» оборачиваются фикцией. Момент, когда он поперхнулся водкой при известии жены, подчёркивает комическую неловкость его положения. Колокольчик с разной мелодией выступает как символ власти, желания и порядка. Граф звонит – и желание исполняется. Однако после раскрытия тайны (или подозрения) колокольчик умолкает. Власть графа над ситуацией оказывается иллюзорной, а инструмент его комфорта – пустым жестом.

В истории «Начальник Е.» лиса пытается обольстить другого, мысля стереотипами: если он начальник, значит, его желания грубы и корыстны. Но Бурдонов «переворачивает» сюжет и нарушает ожидания от образов. В «Лисе-таксистке» чары не сработали на «своём» (старом лисе), здесь они не работают на «человеке с душой», который оказывается невосприимчив к стандартным соблазнам. Как в «Деве-лисе» Пу Сунлина, лиса создаёт иллюзорные «роскошные хоромы», но у начальника Е. они вызывают не очарованность, а раздражение. Благородство пусунлиновской девы-лисы контрастирует с иронией над лисой, влюбившейся, но не понимающей духовной природы своего возлюбленного. Интересно замечание автора о «рабочей одежде» лисы – она сидит в бедном платьице. Слезы героини в финале – то ли следствие отчаяния от невозможности привлечь любимого (у Пу Сунлина лиса часто соблазняет человека с помощью чар, и связь начинается с обмана, здесь же, возможно, отношения начинаются с момента отказа от обмана, с акта уязвимости и сострадания), то ли интуитивно найденный способ обратить на себя его внимание. Финал текста – «а конца у этой истории нет, потому что двадцать лет они в браке, а конца не видно: что двадцать лет для бессмертной лисы!» – реализует идею выхода за

пределы человеческого времени. В отличие от большинства пу-сунлиновских новелл, где союз человека и лисы часто заканчивается трагически или кармически предопределен, здесь он длится и длится. Кроме того, финал «Начальника Е.» подчёркивает разность восприятия времени и одновременно – парадоксальное единство, которое не разрушается этой разностью, и вносит момент экзистенциальной иронии: двадцать лет – целая жизнь для человека, но лишь миг для бессмертной лисы.

Учительский мини-цикл «Лисьих историй из города С.» закрывает новелла «Учитель 1 и учитель 2». Как и «Граф Ю.», что прочитывается в большей степени в русском контексте, эта история видится именно китайской. Действие начинается в Храме Чистого Света, в котором стоит статуя Тысячерукой Гуаньинь (кит. упр. 观世音, пиньинь Guānshìyīn) – буддийской бодхисаттвы Сострадания. Две лисы вначале потешаются над прихожанами, шевеля руками Гуаньинь. Но эта игра оказывается указанием на их будущее серьёзное деяние – наставничество. Тысяча рук бодхисаттвы Сострадания – символ большого количества возможностей для помощи живым существам. Лисы, двигая Её руками, как будто репетировали то, как будут учить г-на Ю. «Учитель 1 и учитель 2» балансирует между моральным поучением и латентным эротизмом [Сторожук 2023]. После того, как г-н Ю. сдал экзамены и стал подыскивать жену, они явились перед ним в своём лисьем облике. В ответ на его предложение стать его жёнами, они отринули возможность двоежёнства или любовного треугольника как неприличные и культуронесообразные и слились воедино. Таинственное («Две девушки поклонились, а выпрямилась уже одна, немного повыше, немного постарше, но всё равно красавица» [Бурдонов 2024]) соединение лис обернулось соединением с г-ном Ю. в долгом браке. При этом возможность такого мистического слияния заложена уже в именовании хули-цзин: у них нет имён, они называются лишь по порядковым номерам. Трансформации в новелле социально и этически мотивированы: из девушек-лис (неприлично идти учить юношу) в мужей с бородами, а затем обратно в девушек и, наконец, в одну девушку (неприлично таиться и неприлична двойная связь). «Учитель 1 и учитель 2» – притча о возможности преображения через труд и служение, о важности мудрого наставничества и о том, как шалость и скука могут перерасти в добродетель и гармоничную жизнь. Заканчивается новелла замечанием о том, что повествователь не знает, «что там у них было и как», потому что «господин Ю. о том не рассказывал» [Бурдонов 2024]. Пу Сунлин часто использовал такой приём – упоминание о знакомстве с героем новеллы, – чтобы усилить эффект её достоверности, но у Бурдонова не обозначен адресат рассказов господина Ю., и потому наряду с интенцией правдивости рассказанного у него сохраняется намёк на его условность.

Итак, цикл И. Б. Бурдонова органично вписывается в традицию «китайского текста» русской литературы, однако занимает в нём особое место. Писатель создаёт не просто стилизацию под китайскую классику, а гибридное культурное пространство, в котором русский и китайский контексты существуют в единстве. Принцип именования персонажей и буквенное обозначение топонима порождают двойную проекцию: за инициалами одинаково вероятно могут стоять как русские, так и китайские антропонимы. Эта стратегия задаёт универсальный масштаб художественного мира, где локальное и национальное уступают место общечеловеческому.

Бурдонов переосмысляет ключевой для Пу Сунлина образ лисы-оборотня, придавая ему бóльшую смысловую многозначность. Лисы у Бурдонова предстают в разных обличиях: они могут быть возлюбленными, музами, наставницами, искусительницами, а иногда и просто зверьми, чья истинная природа остаётся под вопросом [Сюй Синъу 2021: 90–112]. Писатель намеренно создаёт ситуацию «онтологического сомнения», лишая читателя уверенности в том, имела ли место встреча с потусторонним или же всё было плодом воображения героя. Эта неопределённость становится важнейшим структурообразующим принципом цикла, отличающим его от новеллистики Пу Сунлина, где граница между реальным и ирреальным, хотя и подвижна, но несомненна.

В новеллах, посвящённых теме творчества («Художник С.», «Скульптор С.», «Поэт П.»), Бурдонов развивает идею магической природы искусства. Художник не просто изображает действительность, но преображает её, совершая акт творчества, аналогичный чуду.

Новеллы с бытовым сюжетом («Охотник Б.», «Студент А.», «Мерчандайзер Ю.») реализуют ироническую и анекдотическую линии цикла. Здесь классические мотивы (оборотничество, магическое воздействие) снижаются и профанируются, встраиваясь в контекст повседневности. Однако и в этих историях сохраняется глубинная связь с традицией Пу Сунлина: писатель заимствует отдельные сюжетные ходы и приёмы, но переосмысляет их в комическом ключе, актуализируя для современного читателя.

Наибольшей философской глубиной отличаются новеллы учительского и любовного внутренних циклов («Учёный литератор по имени У.», «Учитель И.», «Пенсионер П.», «Граф Ю.»,

«Начальник Е.», «Учитель 1 и учитель 2»). В них Бурдонов обращается к темам одиночества, памяти, верности, экзистенциального выбора. Мотивы кармической связи, нарушения магического запрета, сновидений, унаследованные от Пу Сунлина, получают здесь новое звучание.

Важной особенностью цикла «Лисьи истории из города С.» является его интермедиальная природа. Каждая новелла сопровождается авторской иллюстрацией, которая не просто дублирует вербальный ряд, но вступает с ним в диалог, создавая дополнительные смысловые обертона.

Таким образом, «Лисьи истории из города С.» представляют собой оригинальный опыт освоения китайской классической традиции в современной русской прозе. Бурдонов не копирует Пу Сунлина и не подражает ему в узком смысле слова, а вступает с ним в творческий диалог, заимствуя отдельные мотивы и сюжетные схемы, но наполняя их новым содержанием и встраивая в проблемное поле современности. Актуализируя классические мотивы, писатель сохраняет их глубинный философский потенциал и психологическую достоверность. Созданное Бурдоновым двойное культурное пространство, в котором русское и китайское начала не исключают, а взаимно дополняют друг друга, открывает новые перспективы для развития «китайского текста» русской литературы и свидетельствует о продуктивности межкультурного диалога в современном литературном процессе.

Список литературы

Бурдонов И. Б. Китайские стихи. 640 стихотворений Игоря Бурдонова в переводах Гу Юя и др. М.: Наш мир, 2026. 608 с.

Бурдонов И. Б. Лисьи истории из города С. 2024. URL: http://burdonov.ru/GALLERY/2024/%D0%9B%D0%98%D0%A1%D0%AC%D0%98_%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%98/menu.html (дата обращения: 14.02.2026)

Гу Юй. О китайских печатях русского поэта // Тяньцзинь жибао [Ежедневная газета города Тяньцзинь]. 17 янв. 2020. Приложение «Маньтинфан». 16-я полоса. URL: http://burdonov.ispras.ru/ctixi/2020/Tianzin_jibao/499%202020%201%2017%20translation.pdf (дата обращения: 14.02.2026) (на кит. яз.).

Дубаков Л. В., Го Вэньцзин. Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филология: научные исследования. 2023. № 8. doi 10.7256/2454-0749.2023.8.43893. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40661

Дубаков Л. В. Современная русская поэзия в китайской аудитории: стихотворение И. Б. Бурдонова «Дао города Пинъяо» // Преподаватель XXI век. 2025. № 3–1. С. 182–191.

Дубаков Л. В. Транскультурное обрусение буддийской составляющей в религиозно-культурной утопии цикла «Евразийская симфония» И. А. Алимова и В. М. Рыбакова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2022. № 1. С. 85–94.

Игнатенко А. В. Интермедиальность в прозе Пу Сунлина на примере новеллы «Расписная стена» // Проблемы литератур Дальнего Востока: тр. IX междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г.). СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2021. С. 11–16.

Красноярова А. А., Кондаков Б. В. «Китайский текст» русской литературы: монография / под науч. ред. проф. Т. Д. Попковой; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2024. 178 с.

Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 598 с.

Микушевич В. Б. Конец вечности // Бурдонов И. Б. Ритуальные числа. М.: Арт Хаус медиа, 2009. С. 5–6.

Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / пер. с кит., предисл., ст., коммент. акад. В. М. Алексеева; сост., подгот. текста, послесл. М. В. Баньковской. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 784 с.

Сторожук А. Г. История одного послесловия: тема запретной любви в новеллах Пу Сун-лина // Modern Oriental Studies. 2023. Т. 5, № 4. С. 66–72.

Сюй Синъу. Сообщества лисиц: сравнение историй об оборотнях-лисах в «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» и «Заметках из хижины “Великое в малом”» // Проблемы литератур Дальнего Востока: тр. IX междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г.). СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2021. С. 90–112.

Хань Д., Тугулова О. Д., Бардаханова З. Д. К вопросу о рецепции китайских «рассказов о странном» в российской литературе // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 48–56. doi 10.21209/1996-7853-2023-18-3-48-56.

Цзэн Сыи. Новаторство и разнообразие художественных приёмов в новеллах о снах из «Рассказов Ляо Чжая о необычайном» // Проблемы литератур Дальнего Востока: тр. IX междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28–30 января 2021 г.). СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2021. С. 127–139.

林明理. 伊戈尔·布林多诺夫的诗画人生// 馬祖日報，中华民国一一三年七月二日，3版
[Лин Минли. Жизнь поэзии и живописи Игоря

Бурдонова]. Ма цзу жи бао [Ежедневная газета Мацзу], 2 июля, 3-я полоса. 2024. (На кит. яз.)

马瑞芳. 中国古代小说构思学. 山东, 山东教育出版社.2016. 670页 [Ма Жуйфан. [Ма Жуйфан. Структура древних китайских романов. Шаньдун: Шаньдун цзяоюй чубаньшэ, 2016. 670 с.]. (На кит. яз.)

References

Burdonov I. B. *Chinese poems. 640 poems by Igor Burdonov as translated by Gu Yu and others*. Moscow, Nash mir Publ., 2026. 608 p. (In Russ.)

Burdonov I. B. Fox tales from the city of S. URL: http://burdonov.ru/GALLERY/2024/%D0%9B%D0%98%D0%A1%D0%AC%D0%98_%D0%98%D0%A1%D0%A2%D0%9E%D0%A0%D0%98%D0%98/menu.html (accessed 14 Feb 2026). (In Russ.)

Gu Yu. On the Chinese seals of a Russian poet. *Tianjin Daily,* 2020, 17 Jan., "Mantingfang" Supplement, p. 16. URL: http://burdonov.ispras.ru/ctixi/2020/Tianzin_jibao/499%202020%201%2017%20translation.pdf (accessed 14 Feb 2026). (In Russ.)

Dubakov L. V., Guo Wenjing. Modernization of the image of the Huli Jing and the transformational nature of Reality in V. O. Pelevin's novel "The Sacred Book of the Werewolf". *Philology: Scientific Researches*, 2023, issue 8, pp. 1–11. doi 10.7256/2454-0749.2023.8.40661 (In Russ.)

Dubakov L. V. Contemporary Russian poetry in a Chinese audience: Igor Burdonov's poem "The Tao of Pingyao city". *Prepodavatel XXI vek*, 2025, issue 3–1, pp. 182–191. doi 10.31862/2073-9613-2025-3-182-191 (In Russ.)

Dubakov L. V. Transcultural Russification of the Buddhist component in the religious and cultural utopia of the "Eurasian Symphony" cycle by I. A. Alimov and V. M. Rybakov. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2022, issue 1, pp. 85–94. (In Russ.)

Ignatenko A. V. Intermediality in Pu Songling's prose as exemplified by the short story "The Painted Wall." *Problems of Far Eastern literatures: Proc. IX Intern. Sci. Conf. (St. Petersburg, January 28–30, 2021)*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2021, pp. 11–16. (In Russ.)

Krasnoyarova A. A., Kondakov B. V. *The "Chinese text" of Russian literature.* Perm, Perm State University Press, 2024. 178 p. (In Russ.)

Lukin A. V. *The bear watches the dragon: The image of China in Russia in the 17th–21st centuries*. Moscow, AST, Vostok-Zapad Publ., 2007. 598 p. (In Russ.)

Mikushevich V. B. The end of eternity. In: Burdonov I. B. *Ritual numbers*. Moscow, Art House media Publ., 2009, pp. 5–6. (In Russ.)

Pu Songling. *Strange tales from the Studio of the Loser (Liaozhai Zhiyi).* St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2000. 784 p. (In Russ.)

Storozhuk A. G. Case of one afterword: Issue of forbidden love in Pu Songling's short stories. *Modern Oriental Studies*, 2023, vol. 5, issue 4, pp. 66–72. doi 10.24412/2686-9675-4-2023-67-73 (In Russ.)

Xu Xingwu. Fox communities: A comparison of fox-shapeshifter stories in "Strange Stories from a Chinese Studio" and "Notes from the Hut 'The Great in the Small'". *Problems of Far Eastern literatures: Proc. IX Intern. Sci. Conf. (St. Petersburg, January 28–30, 2021)*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2021, pp. 90–112. (In Russ.)

Han D., Tugulova O. D., Bardakhanova Z. D. On the issue of the reception of Chinese "strange stories" in Russian literature. *Humanitarian Vector*, 2023, vol. 18, issue 3, pp. 48–56. doi 10.21209/1996-7853-2023-18-3-48-56 (In Russ.)

Zeng Siyi. Innovation and diversity of artistic techniques in short stories about dreams from "Strange Stories from a Chinese Studio". *Problems of Far Eastern literatures: Proc. IX Intern. Sci. Conf. (St. Petersburg, January 28–30, 2021)*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2021, pp. 127–139. (In Russ.)

Lin Mingli. Yige'er Bulinduonofu de shihua rensheng [The poetic and artistic life of Igor Burdonov]. *Mazu ribao* [*Matsu Daily*], 2024, 2 July, p. 3. (In Chin.)

Ma Ruifang. *Zhongguo gudai xiaoshuo gousi xue* [The structure of ancient Chinese novels]. Shandong, Shandong Education Press, 2016. 670 p. (In Chin.)

Информация об авторах

Дубаков Леонид Викторович
кандидат филологических наук
доцент филологического факультета
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
518172, Китай, Провинция Гуандун,
г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн,
ул. Гоцзидасюэюань, д. 1

доцент кафедры истории
журналистики и литературы
Московский университет им. А. С. Грибоедова
105066, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 35, стр. 1

dubakov_leonid@mail.ru

SPIN-код: 8955-5605
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1172-7435

Статья поступила в редакцию 07.03.2026
Одобрена после рецензирования 06.04.2026
Принята к публикации 01.05.2026

Information about the authors

Leonid V. Dubakov
Associate Professor in the Faculty of Philology
Shenzhen MSU-BIT University
1, Guoji Daxueyuan st., Dayun New City, Longgang District, 518172, Shenzhen, Guangdong Province, China

Associate Professor in the Department
of History of Journalism and Literature
Griboedov Moscow University
35, bld. 1, Novaya Basmannaya st., Moscow, 105066, Russia

dubakov_leonid@mail.ru

SPIN-код: 8955-5605
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1172-7435

Submitted 07 Mar 2026
Revised 06 Apr 2026
Accepted 01 May 2026